

УДК 343

***СЛЕДСТВИЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В РОССИИ
ПРЕДРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ***

Упоров И.В.

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

г. Краснодар, Россия

Хоконова М.Р.

к.ю.н., преподаватель

Краснодарский университет МВД России

г. Краснодар, Россия

Аннотация: Исследуется содержание предварительного следствия по уголовным делам в Российской империи на основе Свода законов 1832 г., анализируются соответствующие научные труды. Отмечается, что законодатель декларировал необходимость всестороннего и справедливого предварительного следствия, однако правовых механизмов для этого предусматривалось недостаточно. Тем не менее, хотя уголовный процесс носил выраженный сословный характер, что не позволяет оценивать его как обеспечивающий процессуальные права всех участников, по сравнению с предшествующим законодательством тем более практикой, Свод законов Российской империи делал шаг вперед, что, очевидно, можно объяснить склонностью Александра I, в годы правления которого создавалась основа Свода законов, к некоторым либеральным позициям, которые позже найдут свое более решительное развитие в известной судебной реформе 1864 г. Авторы использовали ряд своих суждений, опубликованных ранее.

Ключевые слова: Свод законов, уголовное судопроизводство, статус, следствие, судебное рассмотрение, государство, закон.

***CONSEQUENCE ON CRIMINAL CASES IN RUSSIA
PRE-FORMAL PERIOD: LEGAL ASPECT***

Uporov I.V.

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Laws, Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

Hokonova M.R.

Ph.D., teacher

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

Annotation: The content of the preliminary investigation of criminal cases in the Russian Empire on the basis of the Code of Laws of 1832 is investigated, relevant scientific works are analyzed. It is noted that the legislator declared the need for a comprehensive and fair preliminary investigation, but there were not enough legal mechanisms for this. Nevertheless, although the criminal process was of an express class nature, which makes it impossible to evaluate it as ensuring the procedural rights of all participants, compared with the preceding legislation, especially practice, the Code of Laws of the Russian Empire made a step forward, obviously, can be explained by the tendency of Alexander 1, during the years of whose rule the basis of the Code of Laws was created, to some liberal positions, which later would find their more decisive development in the well-known judicial reform of 1864. The authors used a number of their judgments published earlier.

Key words: Code of laws, criminal proceedings, status, investigation, judicial review, state, law.

Уголовно-процессуальное право России первой половины XIX в., то есть в предреформенный период, в разной степени регулировало статус лиц, осуществляющих предварительное следствие по уголовным делам, и иных лиц, включенных в процесс следствия (обвиняемых, потерпевших и др.). Наиболее подробно законодатель определял обязанности и права следователей, которыми в рассматриваемый период являлись должностные лица полиции, и этот аспект нашел уже достаточно подробное освещение в историко-правовой литературе. В этой связи акцентируем внимание на «иных» лицах, и прежде всего затронем категорию обвиняемых. Статус этой категории участников предварительного следствия законодателем отдельно не закреплялся, что не было удивительным, если учесть, что только на рубеже 1800 г. были отменены физические пытки в отношении обвиняемых. Вплоть до судебной реформы 1864 г. практически не использовалась и терминология, связанная с правами обвиняемых. Вместе с тем из ряда уголовно-процессуальных норм вытекало, что проблеме юридической защиты обвиняемых во время проведения предварительного следствия стало уделяться больше внимания. Так, в Своде законов Российской империи 1832 г. [1] устанавливалось (ст. 887): «обвиняемый во все время производства следствия имеет неотъемлемое право представлять все, что может служить к его оправданию. Производящие следствие не должны отречься от рассмотрения его показаний и от всех исследований, какие по оным нужным окажутся».

Однако отмеченную уголовно-процессуальную норму трудно полагать существенной ввиду ее декларативности; кроме того, она относилась к стадии формального следствия, в то время как на стадии дознания такие права закреплены не были. Другим шагом следует назвать введение института защитников («депутатов») обвиняемых, однако возможности защитников были очень ограниченными, в частности, они могли только присутствовать при допросе обвиняемого, наблюдать за правильностью следствия и по окончании его удостоверить правильность протокола, при несогласии с которым депутат имел право выразить

«свое мнение». Сами защитники при этом назначались, а не выбирались обвиняемыми [2, с. 38], в связи с чем говорить о состязательности уголовного процесса на рассматриваемой стадии говорить не приходится [3, с. 469].

Описывая институт защиты, известный российский правовед-процессуалист первой половины XIX в. Я.И. Баршев в этой связи писал: «адвокат может быть допущен со стороны обвиняемого: 1) во время всего производства дела, чтобы присутствуя при этом, указывать во все время производства следствия и суда и под конец его на недостатки их и на действия, необходимые при приеме доказательств и оценке их; 2) он может быть допущен только тогда, когда следователь или судья должны будут приступить к действиям, особенно вредным для обвиняемого, напр., к взятию его и заключению; 3) или только под конец всего следствия и суда, когда следователь совершенно окончит следствие и у него уже не будет надежды открыть что-либо новое в исследованном деле. Господствующее в следственном процессе направление к получению признания обвиняемого заставляет в защитнике обвиняемого видеть опасного врага для этой цели. Это опасение, чтобы преждевременное влияние адвоката на процесс не уничтожило всех действий следователя или не попрепятствовало им и признанию подсудимого и предполагаемая при том возможность, что он злоупотребит его значением, служат причиной того, что правоученого защитника обвиняемого обыкновенно допускают только тогда, когда следователь совершенно окончит свое дело» [4, с. 124].

В этом комментарии довольно четко отражена сложившаяся практика производства следствия, которая, как видно, на давала шансов обвиняемому из простых обывателей рассчитывать на какую-либо действенную защиту. При этом законодатель не предусматривал какой-либо юридической ответственности следователя в случае, если обвиняемому не будет предоставлен «депутат», равно как не ставился вопрос о допустимости доказательств (прежде всего протоколов допросов), полученных с нарушением процессуальных норм – в этом можно

усмотреть существенные недостатки правового регулирования предварительного следствия в рассматриваемый период [5, с. 41].

Помимо этого, заслуживает внимание следующая позиция Я.И. Баршева: «деятельность защитника обвиняемого может быть направлена или против какого-либо, особенно вредного, действия в процессе, или она может состоять в защите при самом окончании следствия, которое может клониться к тому, чтобы вовсе устранить или, по крайней мере, уменьшить следующее обвиняемому наказание. В первом случае он должен доказать, что нет в наличии законных условий, от которых зависит спорное действие в процессе, напр., он может указать на пренебреженные причины отвода. Предмет и содержание последнего рода деятельности защитника определяется свойством каждого особенного случая. Иногда ему можно говорить против слишком скорого окончания процесса и доказывать притом, или недостаточность причин обвиняющих или неполное рассмотрение причин, представленных в оправдание, или приводить новые причины, которые оправдывают обвиняемого ... Поэтому он имеет право: 1) требовать сообщения ему всех актов по делу и всех собранных по нему сведений; ему принадлежит также право на личный разговор с подсудимым для уяснения всех обстоятельств, служащих к его извинению; 2) вообще он имеет право на все меры, служащие для доставления обвиняемому законной защиты, напр., на протесты, предложения и т.п.» [4, с. 125-126]. Однако созвучные мировой практике и европейской правовой мысли воззрения Баршева тогда явно опережали время.

Следующий участник уголовного процесса – потерпевший не стал предметом уголовно-процессуального регулирования: его правовой статус не был определен [6, с. 19]. Теоретическая мысль также еще «не добралась» до него. Этого не скажешь о свидетелях – этой категории участников предварительного следствия уделено достаточно внимания. К тому времени, как писал В.А. Линовский, уже сложилось представление о свидетелях – это «суть лица посторонние, которые могут сделать показание суду и объяснение относительно исследуемого

уголовного предмета ... Доверие к свидетелям заключается в уверенности, что каждый одаренный здравыми чувствами человек может наблюдать предметы физического мира и что он выскажет правду, ежели тому не будут препятствовать какие-либо причины» [7, с. 98]. Такое положение вполне адекватно, на наш взгляд, нашло отражение в уголовно-процессуальном законодательстве. Неспособными к свидетельству считались: малолетние, то есть лица, не достигшие 15-летнего возраста; безумные, сумасшедшие и глухонемые (недопущение к свидетельству этих лиц было основано еще на Новоуказных статья); смертоубийцы, разбойники, воры, люди, портившие тайно межевые знаки, изгнанные из государства, публично наказанные и явные прелюбодеи, не бывшие у святого причастия, отчужденные и проклятые от церкви, иностранцы, которых поведение неизвестно; сделавшие в суде прежде лживую присягу и склонявшие других к ложному свидетельству и те, которые свидетельствуют по слуху от других. Эти требования носили универсальный характер. Помимо этого, ограничения имели место, если свидетель каким-то образом был связан с тем делом, по поводу которого ему предстояло давать показания. В этом контексте не допускались к свидетельству: «лица, прикосновенные к делу; находящиеся с подсудимым в родстве и ближнем свойстве, или в дружбе, или имевшие с ним до того времени вражду, хотя бы потом они и помирились, и люди, подкупленные к свидетельству; дети против родителей, но родители детьми от свидетельства устранены быть не могут; отпущенные на волю против прежних помещиков своих и детей их; жены против мужей; раскольники в делах правоверных; крепостные люди подсудимых, их вольноотпущенные, а люди, находящиеся у них в услужении и получающие от них пропитание, могут быть допрашиваемы только за недостатком других свидетелей» [7, с. 98-100].

Свидетели должны были давать показания под присягой; вместе с тем, как отмечается в литературе, «от этого правило были отступления, которые каса-

лись, в частности, духовных лиц православного исповедания, членов евангелического братства, духоборцев. Свидетели присягали «каждый по своей вере» и в общем случае приводились к присяге при следователе. Нормы о свидетелях-участниках уголовного процесса наиболее ярко отражали сословный характер российского общества рассматриваемого периода» [8, с. 29]. Еще одним участником предварительного следствия были прокуроры (стряпчие). В ст. 815-817 Свода (в редакции 1832 г.) содержалась норма об ответственности прокурорских работников при неправильном исполнении своих функций и злоупотреблений, в частности, указывалось, что за ненадлежащее исполнение своих обязанностей они получают соответствующее взыскание, Целью же губернских прокуроров и стряпчих являлось «смотреть и бдение иметь о сохранении везде всякого порядка, законами определенного, и в производстве отправления самих дел». Они должны были «сохранять целостность власти и истреблять зловредные взятки». Губернский прокурор должен был давать заключения по просьбе судов и губернской администрации по вопросам, требующим применения закона, толковать законы, осуществлять контроль над местами лишения свободы и руководить деятельностью всех остальных прокуроров данной губернии, а также и стряпчих [9, с. 47-55]. Стряпчие осуществляли функции прокурора по линии надзора за деятельностью административных органов (эти функции осуществлял стряпчий казенных дел), и функции прокурора по линии надзора за осуществлением судами правосудия по уголовным делам (эти функции осуществлял стряпчий уголовных дел) [10, с. 63].

В целом, несмотря на то, что российский уголовный процесс на стадии предварительного расследования по уголовным делам носил, как отмечалось, ярко выраженный сословный характер, что не позволяет оценивать его как обеспечивающий процессуальные права всех участников, тем не менее, по сравнению с предшествующим законодательством тем более практикой, Свод законов

Российской империи делал шаг вперед, что, очевидно, можно объяснить склонностью Александра 1, в годы правления которого создавалась основа Свода законов, к некоторым либеральным позициям, которые позже найдут свое более решительное развитие в известной судебной реформе 1864 г.

Библиографический список:

1. Свод законов Российской империи. Т. 15. - СПб., 1832.
2. Куемжиева Я.Н. Уголовное судопроизводство по преступлениям против государства в Российской империи первой половины XIX в.: дис. ... канд. юрид. наук / Куемжиева Я.Н. . Краснодар, 2005. – 214 с.
3. Макалинский П. В. В каком виде можно допустить защиту на предварительном следствии / Макалинский П.В. // Журнал министерства юстиции. 1863. - Т. XVIII. - Ч. 2. - С. 460-481.
4. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Баршев Я.И. СПб., 1841. – 324 с.
5. Гаврилов С.Н. Актуальные вопросы организации адвокатуры и участия защитника в уголовном процессе в России. История и современность: дис. ... канд. юрид. наук / Гаврилов С.Н. - М., 1998. – 197 с.
6. Лянго Л.Н. Примирение с потерпевшим, его уголовно-правовое и процессуальное значение: исторический анализ / Лянго Л.Н. // Проблемы права и социологии. Межвузовский сборник научных статей. Вып. 2. - Волгоград, 2002. - С. 17-26.
7. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / Линовский В.А. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1849. – 262 с.
8. Сидорова Н.В. Правовое регулирование показаний свидетеля в российском уголовном процессе: история, современное состояние: дис. ... канд. юрид. наук / Сидорова Н.В. - Тюмень, 2004. – 205 с.
9. Шадрина Е.Г. Становление института обвинения как процессуальной

деятельности уполномоченных участников уголовного судопроизводства (исторический аспект) / Щадрина Е.Г. // Вестник Института экономики, управления и права. Серия 2 "Право". Вып. 8. - Казань, 2007. - С. 47-55.

10. Горожанкина Д.В. Историко-правовой анализ систематизации уголовно-процессуального законодательства Российской империи первой половины XIX века: дис. ... канд. юрид. наук / Горожанкина Д.В. - Екатеринбург, 2006. - 189 с.

Оригинальность 76%